

Научная статья

УДК 811.161.1'367.625

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.09

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАФОРЫ
В РУССКОЙ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ:
СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ****Сюй Лили**

Нанькайский университет,

Тяньцзинь, Китай

lili1324559882@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0002-5459-2975>

Аннотация. Пространственное восприятие как базовая когнитивная способность играет значимую роль в метафорическом построении концептуальной системы человека. Данная статья посвящена когнитивному исследованию пространственной метафоричности лексико-семантической группы глаголов поведения как средств языковой объективации одной из важнейших концептосфер психологии — поведенческой. Цель исследования заключается в изучении роли пространственных метафор в формировании и понимании поведенческих концептов в русском языке. Когнитивный анализ лексико-семантических, словообразовательных и этимологических особенностей глаголов поведения позволил выявить ряд пространственных метафор, значимых для языкового моделирования русской поведенческой концептосферы, в том числе метафоры ориентации, расстояния, размера и формы. В ходе исследования было доказано, что на разные типы пространственных метафор опирается языковая концептуализация разных типов поведения человека, таких как высокомерие, подлость, трусость, упрямство, хитрость и т. д.

Ключевые слова: пространственная метафора, поведенческая концептосфера, глаголы поведения, когнитивная семантика.

Для цитирования: Сюй, Лили. (2023). Пространственные метафоры в русской поведенческой концептосфере: семантико-когнитивный анализ глаголов. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 105–117. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.09>

Сведения о финансировании: исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда фундаментальных исследований центральных университетов в рамках научного проекта 63232123.

Original article

УДК 811.161.1'367.625

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.09

**SPATIAL METAPHORS
IN THE RUSSIAN BEHAVIORAL CONCEPTOSPHERE:
SEMANTIC AND COGNITIVE ANALYSIS OF VERBS****Xu Lili**

Nankai University,

Tianjin, China

lili1324559882@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0002-5459-2975>

Abstract. Spatial perception as a basic cognitive ability plays an important role in the metaphorical construction of the conceptual system. This paper is devoted to the cognitive study of the spatial metaphoricity of the lexico-semantic group of verbs of behavior as a means of linguistic objectification of one of the most important mental conceptual spheres — the behavioral conceptual sphere. The purpose of the study is to reveal the role of spatial metaphors in the formation and understanding of concepts of behavior in the Russian language. The cognitive analysis of the lexico-semantic, word-formation, and etymological characteristics of verbs of behavior has revealed several spatial metaphors that are significant for the linguistic modeling of the Russian behavioral conceptual sphere, including orientation metaphors, distance metaphors, size metaphors and form metaphors. The research shows that different types of spatial metaphors depend on the linguistic conceptualization of different types of human behavior, such as arrogant, cowardly, stubborn, cunning, and other types of behavior.

Keywords: spatial metaphor, behavioral conceptosphere, verbs of behavior, cognitive semantics.

For citation: Xu, Lili. (2023). Spatial metaphors in the Russian behavioral conceptosphere: semantic and cognitive analysis of verbs. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 105–117. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.09>

Funding information: the research was carried out with the financial support of the Foundation for Basic Research of Central Universities within the framework of the scientific project 63232123.

Введение

Поведение как отражение психологических характеристик человека тесно связано с его моральными качествами, эмоциональным состоянием, интеллектуальными способностями и т. д. Поведенческая концептосфера — это совокупность концептов, обозначающих разнообразные типы поведения человека, которые на лексическом уровне в основном репрезентируются посредством глаголов. Представляя собой сложную, объемную и многомерную систему, глаголы поведения описывают действия и поступки человека практически во всех сферах жизнедеятельности, «обусловленных потребностями субъекта, а также его культурными

и индивидуальными особенностями» (Нахрачева, 2018, с. 164), поэтому их изучение является необходимым и актуальным для языкового моделирования антропосферы в целом. Из-за своей значимости в разных лингвокультурах данная лексико-семантическая категория глаголов неоднократно рассматривалась в научной литературе: были изучены их словообразовательные характеристики (Фатхутдинова и Красильникова, 2016; Айдарова и Лебедев, 2018), лексико-семантическая подгруппировка (Васильев, 1976), синтаксические свойства сочетаемости (Гайсина, 1973), функциональные и лингвокультурные особенности (Исаченко, 2000), а также ассоциативно-фреймовая организация в психолингвистическом аспекте (Старостина, 2004). Однако до сих пор не уделялось достаточного внимания когнитивному исследованию метафорических характеристик русских глаголов поведения.

Разнообразие поведения людей и высокая абстрактность концептов поведения детерминируют метафорическую образность глаголов, их вербализующих. Цели настоящего исследования — выявить пространственные метафоры, скрывающиеся в форме и семантике русских глаголов поведения, раскрыть когнитивные механизмы их функционирования. Актуальность исследования обусловлена рядом факторов: 1) важностью лингвокогнитивного описания концептосферы поведения, чрезвычайно значимой для любого народа; 2) неизученностью метафорического моделирования поведенческой концептосферы в русском языке; 3) необходимостью раскрытия функции пространственного мышления в процессе формирования и репрезентации концептов поведения человека. Научная новизна работы заключается в том, что впервые рассматриваются пространственные метафорические особенности глаголов, используемых для репрезентации концептов поведения в русской языковой картине мира, выявляется познавательная корреляция между концептами пространства и поведения.

Методология исследования

Вопрос метафоры начал привлекать внимание ученых уже в античные времена: так, Аристотель определяет метафору как «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» (Аристотель, 1927, с. 66). В этой концепции сущность метафоры состоит в семантическом переносе наименования по сходству (Там же, с. 70), что заложило основу подхода к изучению метафоры как неотъемлемой принадлежности языка, т. е. как риторическо-стилистической фигуры, связанной с вторичной косвенной номинацией объекта. В XX веке исследование языковой метафоры активно развивалось, в результате сформировался ряд направлений: семасиологическое, ономасиологическое, гносеологическое, логическое, лингвистическое, лингвостилистическое, психолингвистическое, экспрессиологическое, лингвистико-литературоведческое, лексикологическое и лексикографическое (Склярская, 1993, с. 6–10). Данное исследование опирается на когнитивный подход к метафоре, известный как теория концептуальной метафоры, предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в 80-е годы XX века. Согласно данному направлению, метафора рассматривается не столько как чисто языковое явление, сколько как общая универсальная характеристика человеческого мышления или основное средство познания и восприятия мира. Когнитивисты считают, что концептуальная система, которой мыслим и в которой живем, по своей природе является метафоричной (Lakoff, & Johnson, 1980, p. 3). В процессе

метафоризации происходит проекция со структуры знаний одной концептуальной сферы — сферы-источника (source domain) — на структуру знаний другой концептуальной сферы — сферы-мишени (target domain) (Lakoff, & Johnson, 1980, p. 23).

Теория концептуальной метафоры придает большое значение эмпирическому, телесному и чувственному основанию языковой концептуализации мира. Сферами-источниками концептуальных метафор в основном служат простые, конкретные и знакомые концепты, образуемые в результате непосредственного восприятия окружающего мира при помощи органов чувств. Помимо зрительного, слухового, температурного, вкусового, обонятельного, тактильного восприятия, в научной литературе выделяется восприятие пространства (Щербатых, 2008, с. 70), которое в качестве природной способности человека дает возможность «успешно ориентироваться в пространстве, раскрывать пространственные свойства и отношения между предметами, объектами и явлениями» (Фатыхова и Латыпова, 2012, с. 1779). Пространственные концепты, формируемые на основе пространственного восприятия, являются важнейшими метафорическими источниками для формирования и понимания других сложных непространственных концептов, что отмечалось во многих работах (Скребцова, 2018; Шералиев и Холиков, 2018; Бородулина, 2019; Колесов, 2021). Дж. Лакофф и М. Тернер подчеркивают, что в процессе метафорической проекции с пространственной концептосферы на непространственные концептосферы сохраняется внутренняя логика первоначальных образных схем (Lakoff, & Turner, 1989, p. 100).

Пространственная концептосфера охватывает множество элементов, единиц, описывающих достаточно разнообразные пространственные свойства и отношения, в том числе местоположение, расстояние, ориентацию, размер, форму, движение, разделение, соединение и т. д. Перечисленные пространственные элементы, на наш взгляд, могут служить метафорическим источником для формирования и моделирования других концептосфер. В данной работе наше внимание сосредоточено на том, какие пространственные элементы участвуют в метафорическом моделировании русской поведенческой концептосферы. Материалом для исследования послужили глаголы поведения из «Русского семантического словаря» под редакцией академика Н. Ю. Шведовой (Шведова, 2007, с. 314–395). В исследовании были использованы следующие методы: описательный, метод классификации, анализа словарных дефиниций, этимологического анализа, словообразовательного анализа, компонентного анализа значения лексемы, сравнительно-сопоставительного анализа, когнитивной интерпретации.

Результаты и дискуссия

В научной литературе поведение определяется как «организованная деятельность, осуществляющая связь организма с окружающей средой» (Рубинштейн, 2002, с. 119). Единицей поведения считается поступок, отражающий «сознательное отношение человека к другим людям, к общему, к нормам общественной морали» (Щербатых, 2008, с. 68). Таким образом, поведение как осознанный и мотивационный феномен имеет ментальную, идеологическую, моральную и социальную характеристику, его выражение во многом зависит от конкретных действий и простых движений. Наше исследование показывает, что с формальной точки зрения пространственная

метафоричность глагольных средств концептуализации поведения в русском языке может воплощаться в трех аспектах:

1) в лексико-семантическом аспекте преимущественно реализуется путем семантического переноса глаголов со значением движения и физического действия, например глагол «ползать» — для обозначения угодничества;

2) в словообразовательном аспекте проявляется в образовании глаголов поведения с помощью морфем, выражающих пространственные отношения, например глагол «вознестись» с приставкой «воз-» — для описания высокомерия;

3) в этимологическом аспекте может выявляться путем установления исторического происхождения слов, например глагол «лукавить» образован от слова *luka* («излука, кривизна, изгиб»).

В результате когнитивного анализа семантических, словообразовательных и этимологических особенностей русских глаголов поведения из «Русского семантического словаря» Н. Ю. Шведовой нами были выделены четыре вида пространственных метафор: *метафоры ориентации, расстояния, размера и формы*. Ниже подробно рассматривается когнитивный механизм их функционирования в формировании и понимании русской поведенческой концептосферы.

1. Метафоры ориентации

Метафора пространственной ориентации тесно связана с определением человеком своего местоположения и направления в пространстве, с его восприятием пространственного измерения типа «лево» и «право», «верх» и «низ», «впереди» и «позади», «внутри» и «снаружи» и т. д. В русской поведенческой концептосфере важное место занимают метафоры ориентации «верх» и «низ», которые в основном используются для выражения оценки человеком самого себя и других людей. Так, вербализация концепта «высокомерие» в русском языке во многом опирается на когнитивное восприятие ориентации «верх». Во-первых, сам поведенческий глагол «высокомерничать» и его однокоренные слова «высокомерие», «высокомерный» образуются от морфемы «высоко-», соответствующей позиции «верх», и обозначают уверенность человека в собственном превосходстве над окружающими, пренебрежительное отношение или высокое требование к ним. Например, «*высокомерничать на работе*» (здесь и далее курсив наш. — *Сюй Лили*) (Шведова, 2007, т. 4, с. 343). Во-вторых, в русском языке при описании высокомерного поведения употребляются и глаголы с приставкой «воз-» — «возноситься», «превозноситься», первоначально означающие «подняться снизу вверх», «ставить себя выше других». Например, «*возноситься от похвал*» (Там же). Высокомерный человек в психологическом аспекте считает себя выше других. В связи с этим концепт «высокомерие» неизбежно связан с дихотомией «верх – низ».

Вследствие того, что ориентация «верх» и «низ» в русской лингвокультуре является символом социального положения и статуса человека, для концептуализации поведения главенства или руководства используются морфемы с пространственным семантическим признаком «верх»; так, глагол «верховодить» имеет значение «распоряжаться кем-либо, подчиняя своей воле, главенствовать где-либо, руководить» (Евгеньева, 1985, т. 1, с. 154). В сознании человека социальный статус управляющих выше управляемых, поэтому глагол «превысить» сочетается со словами «полномочия», «власть»

и метафорически выражает значение «выйти за пределы допустимого, возможного (по положению, должности и т. п.)» (Евгеньева, 1985, т. 3, с. 361).

Концепт «низ», противоположный концепту «верх», в русской языковой картине мира является важным средством для моделирования раболепного, низкопоклоннического, самоуничижительного поведения, что отражается в глаголах «унижаться», «низкопоклонничать» и «низкопоклонствовать». Несмотря на то что эти глаголы буквально обозначают физическое действие, в современном русском языке они в основном употребляются для выражения психологического явления — постыдного, оскорбительного отношения человека к самому себе, собственному достоинству (Шведова, 2007, с. 350–351). Метафорическая проекция на категорию психики отражается в семантике глаголов «ползть», «пресмыкаться», «расстилаться», которые имеют общее первоначальное значение «движение по низу». В метафорическом значении эти глаголы употребляются для описания таких типов поведения, как угодничество, подхалимство, приспособленчество. Со стилистической точки зрения они характеризуются презрительной эмоционально-экспрессивной окраской. Например, «*пресмыкаться* перед сильными мира сего», «*расстилаться* перед толстосумом» (Там же, с. 351).

Кроме вышесказанного, в русском языке вертикальная пространственная ориентация играет важную роль в описании морального поведения человека. Ориентация «низ» ассоциируется с нравственным падением. Так, глаголы «опуститься», «катиться», «пасть», «сползти» могут служить средством изображения непорядочного, подлого поведения человека (Там же, с. 372). Тесная связь между пространственной ориентацией «низ» и моральным падением человека отражается в семантике глаголов «оподлиться», «подличать», «подлеть», означающих «вести себя безнравственно, подло, совершая низкие, бесчестные поступки, быть подобострастным в поступках» (Там же, с. 429). Эти глаголы происходят от прилагательного «подлый», этимология которого связана со словом «под», обозначающим «исподний, низкий, наземный, близкий к земле, донный». По данным этимологического словаря, слово «подлый» появилось с начала XVIII века со значением «низкий по классу в социальном отношении, простой, простонародный», в середине XVIII века развилось его нравственное значение (Черных, 1994, т. 2, с. 49). Очевидно, что ориентация «низ» в русском языковом сознании соединяет социальное положение человека и его моральное свойство.

Другим важным пространственным метафорическим источником, функционирующим в поведенческой концептосфере, является ориентационная пара «внутри – снаружи». Во-первых, в основе идеи лицемерия в русской языковой картине мира лежит дихотомия «внутри – снаружи». Так, глаголы «скрыть», «сокрыть», «скрытничать», «закрыться» и «прикрыться» заключают в себе образ замкнутого пространства, сокрытости от чужих глаз и в переносном смысле обозначают «вести себя сдержанно, неискренне <...> утаивать что-либо от других» (Шведова, 2007, с. 346, 374). Например, «*скрыть* свои цели, намерения», «*скрытничать* перед родителями» (Там же, с. 346). В данном случае происходит метафорическая проекция с физического пространства на психологическое или информационное пространство. Во-вторых, сознательное проникновение в некое иное (внутреннее) пространство может символизировать бесцеремонность. Глаголы «лезть», «влезать», «пролезть», «соваться», «втереться», «затереться», «примазаться», «втесаться», «затесаться» и «ввязываться»

первоначально обозначают конкретное физическое движение субъекта: вход из одного пространства в другое, а их переносное значение в основном выражает бесцеремонное проникновение в чужое личное пространство или в некое общественное пространство, т. е. навязчивое, хитрое стремление принимать участие в чем-либо. Например, «лезть в чужой разговор»; «соватьсь с ненужными советами» (Шведова, 2007, с. 354–355). Кроме того, движение внутрь может выполнять функцию моделирования познавательного поведения человека. В процессе познания мира человек предпочитает разделять предмет на поверхностную и внутреннюю части и обычно следует принципу движения от поверхностной части к внутренней, глубокой части, поэтому глагол «верхоглядничать» используется для выражения отсутствия тщательности по отношению к делу, а глаголы проникновения, такие как «окунуться», «уткнуться», «погрузиться», «зарыться», «закопаться», способны выражать поглощенность чем-либо и сосредоточенность на каком-либо деле, занятии: «окунуться в гущу событий», «зарыться с головой в дела», «закопаться в книги» (Там же, с. 329).

Интересно, что в русском языке такие глаголы проникновения, как «ковыряться», «копаться», «проковыряться», «прокопаться», могут употребляться для выражения медлительности, бессмысленности занятия: «делать что-либо неумело, лениво, медленно, кропотливо» (Там же, с. 382). В отличие от предыдущих метафор, подчеркивающих глубину пространства, в данном случае больший акцент делается на временной признак: «Я-то помню, как он установщиком работал. Сидит, бывало, под станком, ковыряется, а я его пробираю, что долго», «Натуралист *копался* со слизняками, раками или букашками» (Евгеньева, 1986, т. 2, с. 66, 99).

II. Метафоры расстояния

Под расстоянием в пространстве понимается удаленность объектов друг от друга, промежуток между двумя точками или границами. В русской поведенческой концептосфере метафоры расстояния можно разделить на два аспекта: один связан с уменьшением расстояния, другой — с его увеличением. Исследование показывает, что русские глаголы с семантическим признаком «уменьшение расстояния» способны репрезентировать следующие типы поведения человека:

– навязчивость, назойливость. Глаголы «липнуть», «прилепиться», «прилипнуть» первоначально выражают присоединение одного предмета к поверхности другого, в переносном смысле обозначают приставание к кому-либо: «*Прилип* к девушке со своими ухаживаниями, проходу не дает» (Шведова, 2007, с. 352). Глаголы, характеризующиеся семантическим признаком «соединение одного предмета с другим», также способны выражать навязчивость, назойливость: «вязаться», «привязаться», «навязываться», «цепляться», «зацепиться», «вцепиться», «прицепиться», «уцепиться», «ухватиться». Например: «Вы, верно, молодой человек, нездоровы? Чего вы ко мне *прицепились*?» (Евгеньева, 1987, т. 3, с. 456);

– угодничество, подхалимство и приспособленчество. Глагол «лечься», обозначающий прижиматься всем телом к объекту, и глагол «виться», т. е. оплетать какой-то объект, в русском языке могут употребляться для выражения целенаправленного стремления человека к установлению близких отношений с кем-либо, т. е. сознательного сближения с другим ради своего интереса, выгоды. Например, «Горные чиновники

льнули к купцам, желая выжать из них какую-нибудь пользу для себя» (Евгеньева, 1986, т. 2, с. 207);

– обвинительное, наступательное, грубое поведение. Глаголы движения «наброситься», «навалиться», «наехать», «налететь», «напасть», «накинуться», «напустить-ся», «наскочить» в прямом значении имеют общий семантический признак внезапного прихода, приближения и физического воздействия. Переносное значение — «вести себя резко, несдержанно, грубо, вдруг обратиться к кому-н. с упреками, обвинениями, критикой, бранью, обличениями или с неотступными требованиями», что подчеркивает эмоциональный накал, отрицательное отношение. Например, «рецензенты *набросились* на новый спектакль с резкой критикой» (Шведова, 2007, с. 355).

Кроме вышесказанного, с восприятием пространственного расстояния тесно связано изменение ширины и длины, которое наблюдается в семантике глаголов растягивания. С одной стороны, глаголы «тянуться» и «втянуться» буквально обозначают «увеличиваться в длину, в ширину от натягивания, напряжения», в переносном аспекте они могут употребляться для выражения активного участия человека в чем-либо или целенаправленного стремления к чему-либо: «*тянуться* к знаниям», «*втянуться* в работу» (Там же, с. 317). В данном случае человек в качестве познавательного субъекта сравнивается с растяжимым предметом, и чем ближе он к своей цели (знания) или чем больше он погружен в процесс (работы), тем дальше он оказывается от внешнего, реального мира. С другой стороны, глаголы растягивания без постфикса «-ся», такие как «тянуть», «затянуть», «волочить», первоначально обозначают «удлинять или расширять вытягиванием, натягиванием». Переносное значение призвано описывать намеренное замедление какого-либо процесса: «*затягивать* решение сложного вопроса», «*волочить* дело в суде» (Там же, с. 380). Здесь увеличение расстояния в пространстве метафорически употребляется для описания продолжительности времени.

В познавательном аспекте увеличение расстояния проявляется и в удалении, отклонении одного предмета от другого в пространстве. В русском языке глаголы, выражающие удаление в физическом пространстве, такие как «сторониться», «устраниться», «уклониться», «увилить», «улизнуть», «ускользнуть», «отойти», «отдалиться», «отвязаться», «отмахнуться», могут служить средством выражения негативного отношения человека к окружающему миру, т. е. отказ от нежелаемого, неприятного, трудного дела. Например, «*уклониться* от неприятной встречи», «*отвязаться* от скучного визита» (Там же, с. 385). Кроме того, признаком «удаление одного объекта от другого объекта в пространстве» характеризуется и глагол «уступить», первичное значение которого является «отходить в сторону, давать дорогу, пропускать», метафорическое значение часто употребляется для репрезентации компромиссного поведения человека. Например, «упрямец никогда не *уступит* в споре» (Там же, с. 378).

III. Метафоры размера

Размер в качестве одного из важных пространственных понятий тесно связан с объемом и площадью предмета. Изучение глаголов поведения показывает, что в русской языковой картине мира параметр размера является важным средством моделирования поведения человека, отражающего его волевые свойства. Маленький размер обычно символизирует душевную слабость, отсутствие силы воли. Так, глаголы

«малодушествовать» и «малодушничать», образуемые из лексемы «малый», в основном используются для выражения нерешительности, боязливости, трусости, робости: «малодушничать перед опасностью» (Шведова, 2007, с. 376). Застенчивость, скованность, робость также репрезентируются глаголом «стесняться», который производится от глагола «стеснять», т. е. «лишать простора, делать малым, узким пространство, место, занимаемое кем-л., чем-л.» (Евгеньева, 1988, т. 4, с. 264). В отличие от глагола «стеснять», подчеркивающего тесноту физического пространства, в современном русском языке глагол «стесняться» обращает большее внимание на психологическое состояние человека, а именно на его застенчивость: «Надежда Николаевна ела мало и молча, она, видимо, *стеснялась*» (Там же, с. 265). Кроме того, русские глаголы «жаться» и «зжиматься», характеризующиеся признаком «стараться занять меньшее пространство, меньше места», также имеют значение «вести себя нерешительно, малодушно, принужденно, скрытно». Например, «уваливает от ответа: *жметя* и хитрит», «в присутствии посторонних подросток *зжался*» (Шведова, 2007, с. 374).

Интересно отметить, что переносное значение глагола «жаться» в русском языке может выражать и жадность, скупость: «*жметя* из-за каждой копейки» (Там же, с. 359). На наш взгляд, это обусловлено тем, что одним из типов проявления этих качеств выступает страх потери собственности, который часто сопровождается сосредоточением на своем пространстве, т. е. сжатием сферы пространства вокруг самого себя. Таким образом, с психологической точки зрения робость, нерешительность и скупость, по сути, имеют общий психологический мотив — страх, который становится когнитивной основой многозначности глагола «жаться».

Напротив, увеличение пространства часто ассоциируется с щедростью. Так, глагол «раступиться» первично обозначает отступление в разные стороны в целях образования свободного пространства. Переносное значение выражает «перестать скупиться, расщедриться» и подчеркивает переход от скупости к щедрости. Например, «*раступился* — полтинник выложил» (Там же, с. 359).

В других случаях человек может метафорически рассматриваться как вместилище, размер которого может увеличиться. Глагол «надуться», первоначально обозначающий «наполниться воздухом, газом до упругости», метафорически употребляется для выражения надменного, высокомерного поведения. Например, «*надуться* от похвал», «*надулся* как индюк» (Там же, с. 343). Это свидетельствует о том, что в сознании носителей русского языка высокомерие соотносится с большим размером, символизирующим важность и значимость человека. Высокомерный человек обычно считает себя больше и важнее других.

VI. Метафоры формы

Форма — это очертание, фигура, образ объектов, восприятие которого в первую очередь определяется восприятием пространства (Щербатых, 2008, с. 67). По данным нашего исследования, в русской поведенческой концептосфере метафоры, связанные с прямоотой и кривизной, наиболее представлены и могут служить средством концептуализации разных типов поведения человека. Так, прямая форма, или идея прямолинейного движения, является когнитивной основой для метафорического моделирования упрямства. Глаголы «упрямиться», «упрямствовать» производятся

от прилагательного «упрямый», которое, согласно этимологическому словарю, изначально образуется от прилагательного «прямой» с приставкой «у-» в усилительном значении, буквально обозначает «очень прямой, открытый, откровенный» (Свиридова, 2014, с. 414). Метафорической мотивацией семантического развития служит признак «неизменяемость формы и направления, без изгибов». Концепт «упрямство» может репрезентироваться глаголами «упереться», «упорствовать», которые с этимологической и словообразовательной точки зрения производятся от глагола «упереть» и выражают физическое состояние «держится за прочную опору, неподвижно остается на месте». В современном русском языке оба могут выражать твердое отстаивание своего мнения или позиции. Например, «старик *уперся* на своем», «не *упорствуй*, соглашайся!» (Шведова, 2007, с. 340). Отметим, что как в процессе образования слова «упорствовать», так и в процессе семантического переноса глагола «упереться» происходит метафорическая проекция с физического свойства неодушевленного предмета на волевою характеристику человека.

В противопоставлении понятию «прямой», связанному с сильной стороной воли, в русской языковой картине мира понятие «кривой» более соотносится со слабованием или покорностью человека. Так, прямое значение глаголов «гнутьяся», «слоमितь», «сгибаться», «сникать» имеет общий семантический признак «наклоняться, быть кривым или изогнутым», а переносное значение приведенных глаголов может выражать душевную слабость человека или лишение силы воли. Например, «не *гнутьяся* перед опасностью», «несчастья *сломили* мать» (Там же, с. 377–378). Это и является доказательством когнитивной природы и концептуальной характеристики метафоры.

Пространственный признак «кривизна» в русском языковом сознании часто ассоциируется с неестественностью, неискренностью и лукавством. Так, прямое значение глаголов «ломаться», «изломаться», «кривиться» имеет общий семантический признак «становиться кривым», а переносное значение — «вести себя неестественно, с ужимками, гримасами, манерничать»: «веди себя просто, не *кривляйся!*» (Там же, с. 342). В данном случае подчеркивается форма внешнего воплощения психической деятельности. В другом случае «кривизна» акцентирует внимание на нравственности человека. Во-первых, глагол «криводушничать», образуемый из слов «кривой» и «душа», в современном русском языке обозначает «вести себя неискренне, лживо, кривить душой» (Там же, с. 347). Метафоричность наглядно выражается словообразовательным способом. Во-вторых, глаголы «лукавить», «лукавствовать» имеют близкое значение и толкуются в словаре как «хитрить, вести себя неискренне, лукаво» (Там же, с. 348). Согласно этимологическому словарю, слово «лукавый» произошло от старославянского существительного *luka*, обозначающего «излука, кривизна, изгиб» (Черных, 1994, т. 1, с. 495). Для этих глаголов метафора кривой формы выявляется при помощи изучения происхождения слов. В-третьих, метафора кривой формы может реализоваться путем лексико-семантического переноса глагола «петлять», который первоначально выражает движение по криволинейной траектории, метафорически репрезентирует неискреннее, хитрое, лукавое поведение. Например, «Преступник *петляет*, путает следователя» (Шведова, 2007, с. 348).

Кроме вышесказанного, к метафоре кривого пути можно отнести семантический перенос глаголов, выражающих движение вращения, и глаголов, выражающих движение с изменением пути. Так, глаголы «вертеться», «крутить», «юлить», «крутиться»

могут метафорически использоваться для описания подхалимства, угодничества, приспособленчества человека: «хочешь жить — умей *вертеться*», «Как ни *вертись*, а правду не скроешь» (Шведова, 2007, с. 349), а глаголы «маневрировать», «лавирировать» могут моделировать разумное, изворотливое поведение человека: «*маневрировать* в сложной обстановке», «*лавирировать* в политике» (Там же, с. 326).

Заключение

Поведение является воплощением психической деятельности человека. На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что моделирование поведенческой концептосферы в русском языке в большой степени опирается на метафорическое мышление человека. Глагольные номинации поведения человека в русском языке характеризуются яркой пространственной метафоричностью. В результате исследования были выявлены четыре типа пространственных метафор, участвующих в языковой объективации поведенческих концептов: метафора ориентации, расстояния, размера и формы. Было установлено, что разные пространственные признаки способны проецироваться на разные аспекты поведения человека: метафоры ориентации в основном применяются для описания высокомерия, самоуничужения и лицемерия; метафоры расстояния репрезентуют навязчивость, целенаправленность, уступчивость; метафоры размера более связаны с выражением боязливости, застенчивости, а также скупости и щедрости, а метафоры формы преимущественно используются для описания упрямства, лукавства, изворотливости. Таким образом, метафорическая проекция с пространственных концептов на поведенческие дала возможность раскрыть когнитивную связь между физическим миром действительности и духовным миром человека. Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся в сопоставительном изучении сходств и различий метафорического моделирования поведенческой концептосферы в разных национальных лингвокультурах.

Список источников

1. Нахрачева, Г. Л. (2018). Лексико-семантическая классификация глаголов поведения в хантыйском языке. *Современные исследования социальных проблем*, 3, 162–178.
2. Фатхутдинова, В. Г., & Красильникова, Л. В. (2016). Словообразовательная семантика глаголов поведения в русском языке. *Филология и культура*, 1(43), 133–139.
3. Айдарова, А. М., & Лебедев, Э. Е. (2018). Структурные особенности глаголов поведения в русском, татарском и английском языках. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2(81), 273–276.
4. Васильев, Л. М. (1976). Семантический класс глаголов поведения в современном русском языке. *Исследования по семантике*, 2, 41–64.
5. Гайсина, Р. М. (1973). Наблюдения над сочетаемостью поведенческих глаголов. Н. С. Дмитриева (Ред.). *Синтаксис и интонация*, 206–210.
6. Исаченко, О. М. (2000). *Функционально-семантический класс глаголов поведения (системно-семантический, функциональный и лингвокультурологический аспекты)* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Барнаул].
7. Старостина, Е. В. (2004). *Фреймовый анализ русских глаголов поведения (на материале ассоциативных реакций)* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов].
8. Аристотель. (1927). *Поэтика*. (Пер. Н. И. Новосадского). Academia.
9. Склярская, Г. Н. (1993). *Метафора в системе языка*. Наука.

10. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. The University of Chicago.
11. Щербатых, Ю. В. (2008). *Общая психология*. Питер.
12. Фатыхова, Л. А., & Латыпова, Ю. А. (2012). Метафоризация как процесс создания образной составляющей концепта «Воля». *Вестник Башкирского университета*, 4, 1777–1780.
13. Скребцова, Т. Г. (2018). *Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы*. Издательский дом ЯСК.
14. Бородулина, Н. Ю., Макеева, М. Н., & Ильина, И. Е. (2019). Пространственно-ориентационные метафорические модели как основа терминообразования и как важная часть метафорической картины мира экономики. *Мир науки, культуры, образования*, 4(77), 312–315.
15. Колесов, И. Ю. (2021). Интерпретирующая функция языка и пространственная метафора. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, 2, 15–159.
16. Lakoff, G., & Turner, M. (1989). *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. The University of Chicago Press.
17. Шведова, Н. Ю. (2007). *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений*: в 4 т. Т. 4. Азбуковник.
18. Рубинштейн, С. Л. (2002). *Основы общей психологии*. Питер.
19. Евгеньева, А. П. (1985–1988). *Словарь русского языка*: в 4 т. Т. 1–4. Русский язык.
20. Черных, П. Я. (1994). *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1–2. Русский язык.
21. Свиридова, М. Н. (2014). *Этимологический словарь современного русского языка*. Аделант.

References

1. Nakhracheva, G. L. (2018). Lexico-semantic classification of behavior verbs in the Khanty language. *Modern Studies of Social Problems*, 3, 162–178. (In Russ.).
2. Fatkhutdinova, V. G., & Krasilnikova, L. V. (2016). Word-formation semantics of behavior verbs in the Russian language. *Philology and Culture*, 1(43), 133–139. (In Russ.).
3. Aidarova, A. M., & Lebedev, E. E. (2018). Structural features of behavior verbs in Russian, Tatar, and English. *Philological sciences. Questions of Theory and Practice*, 2(81), 273–276. (In Russ.).
4. Vasiliev, L. M. (1976). Semantic class of behavior verbs in modern Russian. *Studies in Semantics*, 2, 41–64. (In Russ.).
5. Gaisina, P. M. (1973). Observations on the compatibility of behavioral verbs. N. S. Dmitrieva (Ed.). *Syntax and intonation*, 206–210. (In Russ.).
6. Isachenko, O. M. (2000). *Functional-semantic class of behavior verbs (system-semantic, functional and linguoculturological aspects)* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Barnaul]. (In Russ.).
7. Starostina, E. V. (2004). *Frame analysis of Russian verbs of behavior (based on the material of associative reactions)* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Saratov]. (In Russ.).
8. Aristotle. (1927). *Poetics*. N. I. Novosadsky (Trans.). Academia. (In Russ.).
9. Sklyarevskaya, G. N. (1993). *Metaphor in the language system*. The Science. (In Russ.).
10. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. The University of Chicago. (In Russ.).
11. Shcherbatykh, Yu. V. (2008). *General psychology*. Peter. (In Russ.).
12. Fatyhova, L. A., & Lатыпова, Ю. А. (2012). Metaphorization as a process of creating a figurative component of the concept of «Will». *Bulletin of Bashkir University*, 4, 1777–1780. (In Russ.).
13. Skrebtsova, T. G. (2018). *Cognitive linguistics: classical theories, new approaches*. Publishing House YASK. (In Russ.).

14. Borodulina, N. Yu., Makeeva, M. N., & Ilyina, I. E. (2019). Spatial-orientation metaphorical models as the basis of term formation and as an important part of the metaphorical picture of the world of economics. *The World of Science, Culture, Education*, 4(77), 312–315. (In Russ.).
15. Kolesov, I. Y. (2021). The interpretive function of language and spatial metaphor. *Language Studies and Modern Humanitarian Knowledge*, 2, 15–159. (In Russ.).
16. Lakoff, G., & Turner, M. (1989). *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. The University of Chicago Press. (In English).
17. Shvedova, N. Y. (2007). *Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings*: in 4 vol. Vol. 4. Azbukovnik. (In Russ.).
18. Rubinstein, S. L. (2002). *Fundamentals of general psychology*. Peter. (In Russ.).
19. Evgenieva, A. P. (1985–1988). *Dictionary of the Russian language*: in 4 vol. Vol. 1–4. Russian language. (In Russ.).
20. Chernykh, P. Ya. (1994). *Historical and Etymological Dictionary of the modern Russian language*. Vol. 1–2. Russian language. (In Russ.).
21. Sviridova, M. N. (2014). *Etymological dictionary of the modern Russian language*. Adelant. (In Russ.).

Информация об авторе

Сюй Лили — кандидат филологических наук, преподаватель факультета русского языка Института иностранных языков Нанькайского университета.

Information about the author

Xu Lili — PhD (Philology), Lecturer of Russian Language Department, Institute of Foreign Languages of Nankai University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.